

РАЗВИТИЕ РЫНКОВ И СТРУКТУРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА¹

Виктор Николаевич ОВЧИННИКОВ,

доктор экономических наук, профессор-консультант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: vovchinnikov@sfedu.ru;

Наталья Петровна КЕТОВА,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: nketova@sfedu.ru;

Александр Георгиевич ДРУЖИНИН,

доктор географических наук, профессор, директор,
Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
профессор-исследователь,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Россия,
e-mail: alexdru9@mail.ru

Цитирование: Овчинников, В. Н., Кетова, Н. П., Дружинин, А. Г. (2019). Развитие рынков и структуризация экономического пространства региона // *Terra Economicus*, 17(2), 77–95. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-77-95

В статье изложены результаты исследования проблем структуризации экономического пространства региона, выявлено влияние на данный процесс особенностей развития локальных рынков. Представлен механизм воздействия сил рыночного притяжения на формирование структуры и совершенствование организации экономического пространства регионов Юга России, идентифицированы драйверы развития этого процесса. Показано влияние на морфологию экономического пространства региона архитектуры каркаса его экономической системы, формирующейся под воздействием сил рыночного притяжения, уплотняющих и «стягивающих» экономическое пространство региона в своеобразные «узлы», связывающие матричную конструкцию экономики региона. В качестве таких центров притяжения, повышения экономической активности производственно-хозяйственной деятельности субъектов бизнес-среды региона выступают оптовые рынки, формирующиеся на базе крупных корпоративных струк-

¹ Статья подготовлена при грантовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проект 18-010-00283 «Морфология экономического пространства региона: междисциплинарный подход»).

тур. Осуществлено позиционирование в экономическом пространстве страны и мирового хозяйства таких флагманов экономики Юга России, как ПАО «Ростсельмаш» – крупнейшего отечественного производителя сельхозтехники для внутреннего и мирового рынков, и «Роствертол» – ведущего производителя и экспортера вертолетов Ми военного и гражданского назначения. Систематизация научных позиций относительно формирования и развития структуры рыночно-экономического пространства региона позволила выделить четыре подхода к исследованию этого процесса: территориальный, ресурсный, информационный и процессный. Структуризация экономического пространства региона выполняет системообразующую функцию, обеспечивая организацию экономической среды в виде интегрированной системы процессов и взаимодействий, активизирует воспроизводственные циклы экономического развития регионов, синхронизирует действия субъектов рынка.

Ключевые слова: регион; экономическое пространство; рынки; территориальная организация экономического пространства; силы рыночного притяжения; дифференциация территорий; инновационные кластеры; Юг России

STRUCTURAL CHANGE IN REGIONAL ECONOMY AND LOCAL MARKETS DEVELOPMENT

Viktor N. OVCHINNIKOV,

Doct. Sci. (Econ.), Consultant Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: vovchinnikov@sfedu.ru;

Nataliya P. KETOVA,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: nketova@sfedu.ru;

Alexander G. DRUZHININ,

Doct. Sci. (Geography), Professor, Director,
North Caucasus Research Institute for Economic and Social Problems,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia;
Research Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia,
e-mail: alexdru9@mail.ru

Citation: Ovchinnikov, V. N., Ketova, N. P., and Druzhinin, A. G. (2019). Structural change in regional economy and local markets development. *Terra Economicus*, 17(2), 77–95. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-77-95

This article presents findings of a study on the relationships between local markets development and regional economic structure at the South of Russia. The mechanism through which market forces affect the structural change in regional economy and its spatial organization is described; specific drivers that foster the development of related

processes are identified. Regional economic structure is analyzed through the lens of its influence on regional economic space. Market forces are seen as the factors which shape economic system, tighten up the regional economic space into peculiar «nodes» combining the parts of the system into coherent matrix structure. Such «centers of attraction» are represented by the wholesale markets emerging within the large corporate structures, enhancing overall economic activity and strengthening business environment in the region. The paper deals with economic activities of such industry leaders of the South of Russia as Rostselmash PJSC, the largest domestic producer of agricultural equipment for domestic and global markets, and Rostvertol JSC, the leading manufacturer and exporter of military and civilian helicopters. Theoretical approaches to the study of structural change in regional economy are systematized; the key approaches are identified as the following ones: territorial, resource, informational and process. The research findings suggest that structural change in regional economy supports economic environment as the integrated system, boosts growth cycles, and synchronizes interactions between market participants.

Keywords: *region; economic space; markets; spatial organization of the economy; market attractiveness; spatial differentiation; clusters of innovations; South of Russia*

Acknowledgment: *The research had been performed with the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) support, project № 18-010-00283 «The morphology of the economic space of a region: an interdisciplinary approach».*

JEL classifications: *R11, R12*

Постановка проблемы

Экономика России, функционирующая как единая макроэкономическая система взаимодействующих хозяйственных комплексов регионов, характеризуется существенной неоднородностью рыночно-экономического пространства. Это актуализирует необходимость выстраивания новых моделей и поиска эффективных инструментов управления региональными экономическими системами, воздействующих на структуризацию их рыночно-экономического пространства. При этом важным представляется учет реальных перемен и тенденций, выявляемых на основе конкретных эмпирических данных, эконометрических расчетов и индикаторов, отражающих объективную реальность – динамику общественного производства (Мамедов, 2018: 11).

Качественно выполненные эмпирические разработки, при согласованности избранных критериев оценки индикаторов динамики, дают основу для концептуализации моделей развития регионов и определения степени реализации избранных ими стратегий по использованию синергетических эффектов в зависимости от степени структуризации регионального экономического пространства под воздействием различных процессов, в том числе развития рынков и функциональной действенности сил рыночного притяжения к ним соответствующих территорий (Reimer, Getimis & Blotevogel, 2014: 311).

Чрезвычайно важным при этом представляется решение таких задач, как анализ тенденций развития экономического пространства исследуемых регионов, с учетом их сущностных характеристик; оценка проблем и угроз, которые могут возникнуть при реализации поставленных стратегических задач; определение путей их преодоления с использованием бенчмаркинговых решений; выявление оптимальных способов достижения поставленных целей и оценка полученных от этого эффектов.

Структуризацию экономического пространства априори правомерно представлять в качестве специфической системы экономических отношений и взаимодействий, складывающихся на территории конкретного региона под воздействием многих сил, в том числе рыночных. Как подчеркивал А. Эмин, именно сильные взаимодействия в экономике региона, например, в рамках технополисов, стимулируют ускоренную структуризацию экономического пространства (Amin, 1999: 372). В его формате формируется сложная система связей, развивающихся в процессе хозяйственной деятельности и взаимоотношений бизнес-структур, в результате чего образуются «узлы», уплотняющие рыночное пространство. Выявление их характеристик и взаимодействий представляется весьма важным для структуризации экономического пространства региона.

Очевидно, что различие рынков по территориальным признакам, по субъектам, типам потребителей, объектам обмена, включенности в сетевые структуры и т.д. обуславливает специфику их влияния на процессы функционирования экономического пространства регионов, возможности учета ценностей и долгосрочных интересов потребителей вследствие чего, отмечали Ф. Котлер, Р. Гордон и другие исследователи (Kotler, Kartajaya & Setiawan, 2010; Mohuidir, Gordon, Magee & Lee, 2016: 122–125), их изучение представляет реальный научный и практический интерес. Это во многом предопределило актуальность исследования территориально-отраслевых аспектов организации структуры экономического пространства региона, выявления функций рынков как узловых центров активизации производственно-хозяйственной деятельности.

Структуризация рыночно-экономического пространства как отражение процесса развития российских регионов

Рыночно-экономическое пространство региона, под которым авторами понимается определенная система экономических связей и взаимодействий, складывается на конкретной территории, не имеющей внутренних экономических границ для перемещения рабочей силы, капитала, товаров, услуг, инноваций и др. (Овчинников & Кетова, 2018: 357). Внешние границы локальных (региональных) оптовых рынков определяются параметрами зоны их обслуживания, обусловленной конкурентным потенциалом соответствующих территорий.

Значимость четко проработанного обоснования направлений, инструментов и условий совершенствования структуризации рыночно-экономического пространства региона предопределяется процессами дивергенции в сфере территориального развития России. На это указывают многие экономисты, политологи, социологи, регионоведы. Так, академик РАН А.И. Татаркин отмечал, что именно научно обоснованная структуризация экономического пространства российских регионов, пока явно отсутствующая, становится фактором, который может сыграть существенную роль в социально-экономическом развитии территорий страны. В качестве аргументов такого утверждения он называл следующие:

- в России идет процесс повышения уровня централизации экономического пространства;
- растет обусловленная неравномерностью территориального развития фрагментация экономического пространства российских регионов, причем сдерживающим фактором обеспечения единства пространственного развития становится недостаточная развитость транспортной инфраструктуры;
- отсутствует системность в управлении пространственным развитием экономики страны, проявляются негативные сдвиги в территориальной структуре российской экономики, усиливается их роль в инвестиционной политике и др. (Татаркин, 2012: 28).

Авторы монографии, подготовленной под руководством академика РАН В.В. Ивантера, выделяют в этом контексте ряд сдвигов в территориальной структуре российской

экономики, неблагоприятно действующих на функционирование социально-экономических систем регионов в последние годы: концентрация населения в центре страны, в наиболее благополучных регионах и городах; рост поляризации между растущими и депрессивными регионами; сохранение неблагоприятных тенденций в распределении экономической активности между западной и восточной частями страны и др. (Ивантер, 2017: 36).

Обобщение такого рода утверждений дает основание А.И. Татаркину для следующего заключения: мощнейший пространственный фактор оборачивается для экономики России *многомасштабными потерями* вместо превращения в уникальное, с точки зрения значимости и местоположения страны в мире, *конкурентное преимущество* Российской Федерации. И именно научно организованная и последовательно реализуемая структуризация экономического пространства российских регионов способна исправить положение к лучшему (Татаркин, 2012: 29).

Роль структуризации в решении вышеназванной проблемы можно определить как обеспечение, в контексте выполнения системообразующей функции, организации экономической среды в виде интегрированной системы процессов и взаимодействий, стимулирование воспроизводственных циклов экономического развития регионов с желательными параметрами. Недоучет этих факторов, подчеркивали Р. Стимсон, Р. Стоуг и Б. Робертс (Stimson, Stoug & Roberts, 2006: 452), сдерживает синхронизацию в определенной последовательности событий и взаимодействий функционирующих в них рыночных субъектов. Кроме того, большую роль играют развитие финансового и технологического пространства, систематизация размещения материальных и нематериальных факторов производства, формирование соответствующей требованиям экономической реальности инфраструктуры, создание полноценной информационной среды. Представление о том, что именно структуризация ориентирована на решение вышеперечисленных проблем, подтверждается рядом характеристик ее возможностей. Так, организационная структура региона, согласно трактовке Большого экономического словаря, представляет тип структуры, в которой в полной мере используется географический принцип построения хозяйства, его децентрализации и при этом облегчается решение проблем, связанных с местным законодательством, традициями, обычаями и нуждами потребителей, проживающих на территории региона (Азрилиян, 2008: 1184).

Систематизация существующих точек зрения относительно исследования экономического пространства региона и его структуризации позволяет выделить четыре основных подхода к трактовке этих процессов, сложившихся в литературе по данному направлению:

- 1) территориальный (авторы-исследователи: А.Г. Гранберг, Э.Ф. Кочетов, Ф.А. Рянский и др.);
- 2) ресурсный (авторы-исследователи: П.Р. Кругман, И.А. Кечин, В.В. Радаев и др.);
- 3) информационный (С.О. Парк, Р.К. Шулер, Г. Шибусава и др.);
- 4) процессный (О.А. Бияков, Р.Ф. Гатаулин, О.П. Звягинцева) (Гатаулин и др., 2016: 90–156).

В рамках *территориального подхода* его последователи практически идентифицируют экономическое пространство региона с конкретной территорией. Так, академик А.Г. Гранберг писал: «Экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними; населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д.» (Гранберг, 2004: 25).

Ресурсный подход базируется на трактовке отношений по поводу распределения ресурсов и эффективного их использования. В последние десятилетия стала доминировать ресурсная концепция стратегического управления, которая оказалась наиболее адекватной для изучения источников и механизмов реализации отличительных

преимуществ регионов в кардинально изменившихся условиях конкуренции и использования полученных результатов при принятии управленческих решений.

Основная идея ресурсной концепции состоит в том, что присущая регионам как экономическим системам неоднородность может быть устойчивой ввиду обладания ими уникальными ресурсами, которые, являясь источниками экономических рент, определяют конкурентные преимущества (Kuklinski, 1982: 36–52). Данный подход акцентирует внимание на рентах, образующихся вследствие наличия уникальных специфических активов в регионах (Катькало, 2002: 21–22).

Информационный подход основан на представлении экономического пространства региона с позиций включенности его в телекоммуникационные сети, определении возможностей виртуального пространственного объединения всех субъектов региона в общий информационный поток. Его часто рассматривают в связи с агентным подходом, т.е. агентной архитектурой регионального экономико-информационного пространства. Приверженцы этого подхода полагают, что пространство формируется информационными потоками (Shibusawa, 2000). Экономические агенты обмениваются сигналами в процессе поиска информации, необходимой для осуществления ими своей деятельности. В ходе поиска устанавливаются взаимосвязи между этими агентами, которые и персонифицируют данное экономическое пространство (Песоцкий, 2015: 42).

Процессный подход трактуется следующим образом: в основе экономического пространства региона лежит система отношений между субъектами, реализующими частные экономические интересы. К элементам, образующим экономическое пространство региона, авторы относят совокупный экономический процесс, экономическое время и др. (Бияков, 2004: 92). Системная определенность процессного подхода обусловлена его ориентацией на формирование в рыночном пространстве условий функционирования производственно-хозяйственных процессов.

Указанные подходы сопрягаются с моделями формирования социально-экономического пространства регионов: развития депрессивных территорий, «полюсов роста», территориально-производственных комплексов (ТПК), «особых экономических зон» (ОЭЗ), а также иными моделями: технополисов, агломераций, промышленных узлов, наукоградов и др. Вышеперечисленные модели сформировались в XX в. и успешно реализуются во многих регионах мира (Manning, 2013: 381).

При этом используются следующие критерии формирования ключевых составляющих потенциала экономического пространства региона: административный, инновационный, информационный, инвестиционный, кластеризации и др. (Щедровицкий, 2018: 22).

В рамках традиционной теории размещения и организации экономического пространства региона приняты принципы и понятия доступности и относительной цены сырья, рабочей силы, а также межрегионального разделения труда, абсолютных и относительных преимуществ (схема Смита – Рикардо), обусловленности производственной специализации (модель Хекшера – Олина), формирования агломераций (тип Й. Тюнена), центральных мест (теория В. Кристаллера) и др.²

Весьма интересными представляются теории, сформировавшиеся в связи с функционированием региональных рынков, в частности, пространственная теория цены, интерпретация перехода от автономных региональных равновесий к общему равновесию (двухрегиональная схема П. Самуэльсона).

Особое место в учении о пространственной организации хозяйства и роли в ней рынков занимает труд немецкого экономиста и географа А. Лёша (August Lösch). Английское название его книги – «Экономика размещения» (The Economics of Location), русский перевод назван «Географическое размещение хозяйства». А. Лёш ввел в теорию размещения разнообразные инструменты микроэкономики, значительно рас-

² См.: <https://studfiles.net/preview/1458125/>

ширив состав факторов и условий, рассматриваемых при анализе дислокаций компаний-производителей в регионе: налоги, пошлины, эффекты монополий и олигополии, рыночное воздействие и т.д. (Lösch, 1954: 56–62). Автором проанализировано размещение фирм в условиях конкуренции, когда выбор местоположения определяется не только стремлением каждой фирмы к максимуму прибыли, но и увеличением числа фирм, заполняющих все рыночное пространство. Экономический регион рассматривался им как рынок с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией, с выделением рыночных зон, определяемых радиусами конкурентоспособного сбыта (Лёш, 1959: 16–34).

Существенное место в современной трактовке экономического пространства занял *кластерный подход*.

Значимость кластеров для функционирования и развития экономики территорий была «почувствована» А. Маршаллом и изложена в 90-х гг. XIX в. в его основном труде – «Principles of Economics» (в русском переводе – «Принципы экономической науки», издание 1993 г.). Он писал о том, что преимущества, которые объективно имеют большие предприятия, также доступны предприятиям малого бизнеса, если они расположены в «промышленном регионе», так как эти регионы характеризуются большим резервом рабочей силы, большим числом поставщиков и посредников, специализирующихся в данной отрасли, а также обладают преимуществами в области технологий и специальных знаний (Маршалл, 1993: т. 1, 354–356).

Однако реально основоположником кластерной концепции является М. Портер, который в своих работах подробно изложил собственное видение данного экономического феномена, ввел в оборот понятие «кластер», отразил динамику и особенности развития кластеров. В своей работе «Конкуренция» М. Портер определял кластер как «новую модель объединения организаций, позволяющую получить преимущества от совокупности таких факторов, как географическое положение, взаимодействие, специализация, инновация» (Портер, 2000: 205–207). В соответствии с трактовкой М. Портера, кластер представляет собой способ структурирования отношений между различными организациями, т.е. организационную форму, которая, объединяя независимые и неформально связанные предприятия и учреждения, получает значительные преимущества за счет высокой производительности, эффективности и гибкости в процессе организации деятельности участников.

Как и предрекал М. Портер, именно кластерный подход в первой трети XXI в. стал одной из основ регионального планирования и структурирования экономического пространства многих регионов. Тем не менее деятельность кластерных образований требует более глубокого осмысления и выявления всех возможностей отраслевых региональных кластеров. Это подчеркивал М. Портер в одной из последних своих работ по данной проблематике, характеризуя кластер как географически соседствующую группу взаимосвязанных компаний, поставщиков, провайдеров услуг и ассоциированных институтов в определенной сфере деятельности, связанных экстерналиями (внешними эффектами) различного типа (Porter, 2003: 574).

В последние годы кластеры признаны многими зарубежными исследователями (Р. Баптиста, К. Бюдри, С. Бреши, К. Венберг, А. Малмберг, Д. Пауэр и др.) и рядом российских ученых (Ю.В. Вертакова, М.Г. Клевцова, С.С. Носова, Ю.С. Положенцева, А.И. Татаркин и др.) как драйверы, способствующие динамичному развитию экономики регионов, а сам процесс кластеризации рассматривается как важная составляющая рыночного механизма качественного преобразования региональных экономических систем (McDonald, Tsagdis & Huang, 2006: 525–542). В этой связи принятие многими российскими регионами принципов кластерного развития в качестве приоритетных представляется весьма актуальным.

Таким образом, анализ весьма представительного количества теорий, концепций и моделей, отражающих тенденции и результаты развития учения об

экономическом пространстве регионов, позволяет сделать вывод о достаточной изученности данной проблемы в XIX–XX вв. Однако последние десятилетия приносят значительные изменения в экономические, социальные, демографические, финансовые, информационные и другие условия развития регионов. При этом все более усиливаются их социально-экономические, технологические, культурно-политические и другие различия (Белоусов, 2017: 16–17). Это актуализирует проблему исследования трансформации экономического пространства российских регионов, в частности, такого ее аспекта, как изменения под воздействием развития рынков.

Территориально-отраслевые аспекты организации хозяйственной структуры рыночно-экономического пространства региона

Трактовку сущности хозяйственной структуры региона в контексте исследования его рыночно-экономического пространства правомерно основывать на ее понимании как специфической системы экономических отношений и взаимодействий, складывающихся на территории конкретного региона. При этом необходимо учитывать, что в формате экономического пространства современных регионов формируется сложная система связей, развивающихся в процессе хозяйственной деятельности и взаимоотношений бизнес-структур, между которыми имеет место разделение труда и отношения рыночного обмена.

Общее экономическое пространство регионов формируется в процессе взаимодействия различных субъектов хозяйствования, независимо от их потенциала, но при условии, что они связаны между собой устойчивым разделением труда, а их интересы в таком взаимодействии согласуются.

Экономическое пространство правомерно характеризовать как определенное состояние функционирования взаимосвязанных хозяйствующих единиц, кластеров и сетевых структур. М.С. Астапенко дуалистически определяет «экономическое пространство» через реальное физическое пространство – как часть конкретной территории, и концептуальное (абстрактное) представление – как систему отношений (Астапенко, 2018: 10–11).

Известный исследователь сущности экономического пространства В.В. Чекмарев характеризует его как пространство осуществления отношений и связей, возникающих в процессе общественного воспроизводства при определенном состоянии производительных сил и производственных отношений, постоянно развивающихся и углубляющихся в процессе взаимного переплетения и оптимизации интегрирующихся хозяйственных процессов (Чекмарев, 2010: 28–29).

Рыночно-хозяйственная структура региона поддерживается функционированием региональных рынков, представляющих собой локально-территориальные сферы товарного обращения, где согласовываются интересы предъявителей спроса и предложения, реализовываются торговые отношения и связи, обеспечивающие опосредование контактов производителей и потребителей на основе товарно-денежных отношений, функционирование кругооборота товарно-материальных, кредитно-финансовых и информационных потоков в регионе и трансграничный обмен. Одним из главных условий функционирования рынка является наличие конкуренции.

В общем виде *региональный рынок* есть вся совокупность процессов торговли как трансакционных актов купли-продажи, которая характеризуется такими признаками, как вид продаваемых товаров, объем продаж (емкость рынка), способ торговли, уровень цен, отражающих условия процесса взаимодействия продавца и покупателя и т.д. (Овчинников, Кетова и др., 2015: 85).

Локальные рынки классифицируются: по территориальному признаку (местный, региональный); по субъектам, вступающим в обмен, и характеру их отношений (рынок

потребителей (B2C), производителей (B2B), промежуточных продавцов (посредников), государственных учреждений); в зависимости от типа потребителей: рынок потребительский, рынок публичных закупок (организаций); по объектам обмена (рынки средств производства, товаров и услуг; рынки сырья; рынки труда; финансовые рынки; рынки объектов интеллектуальной собственности, информации и др.). Кроме того, выделяют рынки по критериям легитимности (законности, разрешенности) и легальности (открытости): правомерно различать официальный рынок и теневой; по степени экономической свободы (свободный и в достаточной степени регулируемый); по характеру продаж (оптовый и розничный); по степени насыщения рынка: насыщенный (рынок покупателя, т.е. предложение превышает спрос), равновесный, дефицитный (рынок продавца – спрос существенно превышает предложение). С точки зрения признаков монополизации и конкуренции: рынок совершенной конкуренции, где все продавцы и покупатели имеют равные права и возможности, и рынок несовершенной конкуренции, т.е. рынок, на котором не соблюдается хотя бы один из признаков совершенной конкуренции³.

Данная классификация близка к основным позициям Гарвардской парадигмы «структура рынка – поведение – результативность» (Scherer & Ross, 1990: 5).

Таким образом, под рыночно-хозяйственной структурой региона правомерно понимать ее строение и внутреннюю форму, выступающую как единство устойчивых взаимосвязей между элементами, из которых состоят рыночные структуры. Они характеризуются тесными связями элементов, определенной устойчивостью этих связей, целостностью совокупности составляющих структур. Растущая конкуренция побуждает регионы и отдельные города формировать уникальные предложения на рынке, используя все имеющиеся для этого ресурсы и возможности (Kavaratzis, 2004: 59–71). В целом региональный рынок охватывает элементы, непосредственно связанные с обеспечением производства, а также объекты инфраструктуры, товарного и денежного обращения.

Конкретные регионы, развивающиеся в сложившихся определенных условиях (географических, исторических, технико-технологических и др.), «встраиваются» в общую макроэкономическую среду страны. С другой стороны, они формируют собственную сферу купли-продажи товаров, услуг, ценных бумаг, проектов и др. Тем самым создается определенная рыночно-хозяйственная структура, которая, с одной стороны, формирует экономическое пространство региона, а с другой – воспринимает его воздействия. Как отмечают исследователи, при этом действует расширенная модель взаимодействия производителей, поставщиков и потребителей (Chung & Kim, 2003: 589–601).

При этом рынки выступают в качестве узловых элементов экономического каркаса региона, обладающих силами притяжения ресурсов, сырья, рабочей силы, инноваций, знаний и др., вследствие чего региональные рынки правомерно рассматривать как консистентные ядра хозяйственного каркаса регионов, формирующих центростремительные векторы рыночного притяжения экономической деятельности к локальным узлам транзакционной активности.

Компании, которые действуют на региональных рынках, порождают систему взаимодействия и обеспечивают межотраслевую координацию деятельности рыночных субъектов в целях достижения сбалансированности спроса и предложения, создают и поддерживают конкурентные преимущества, формируют позитивный имидж товаров, производимых на данной территории и продвигаемых на рынки под региональным брендом региона в целом.

Примером рынка, имеющего существенное значение для структуризации экономического пространства страны в целом и для Юга России в частности и выступающего

³ См.: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13733>

в качестве «ядра» притяжения экономической активности (преимущественно на рынках B2B), является рынок машиностроительной продукции. Машиностроение, подчеркивает А.В. Почукаева, обладает наиболее высоким потенциалом наполнения национального дохода, так как конечная продукция отрасли является результатом высоких технологических переделов и, соответственно, обладает высокой долей добавленной стоимости (Почукаева, 2012: 113).

Именно машиностроение привлекает («притягивает») квалифицированную рабочую силу (в этой отрасли занято 35% от общего числа занятых в обрабатывающих отраслях), инвестиции, инновации. Около трети продукции, выпускаемой машиностроительными предприятиями (в нее включаются станкостроение и инструментальное производство, химическое и нефтяное машиностроение, авиастроение, автомобилестроение, электронная промышленность, производство медицинской техники, производство бытовой техники и др.), направляется на удовлетворение спроса потребительского рынка. Основная же часть машинотехнической продукции предназначена для формирования и обновления активной части основных фондов экономики.

Строительство на Юге России машиностроительных предприятий, развернувшееся в предвоенные годы прошлого века и получившее активное развитие в послевоенный период, обусловило коренные изменения в технологической структуре всех отраслей и производств, способствовало формированию ядер хозяйственного ландшафта южнороссийских регионов, активизации всей экономической деятельности. Так, авиационный завод в Ростове-на-Дону начал действовать в 1939 г. Изначально он предназначался для производства самолетов гражданского назначения. Затем завод был перепрофилирован и стал первым производителем серийных вертолетов. В настоящее время ПАО «Роствертол» выпускает вертолеты и другие летательные аппараты, зарекомендовавшие себя как на отечественном, так и мировом рынках (завод экспортирует свои машины более чем в 60 стран мира). Одни из уникальных их видов – самые тяжелые в мире серийные вертолеты: военный Ми-26 и гражданский Ми-26Т, которые могут перевозить в транспортной кабине или на внешней подвеске до 20 тонн груза.

В настоящее время ПАО «Роствертол» занимает одно из первых мест среди крупнейших компаний Южного федерального округа (табл. 1): в 2017 г. выручка компании составила почти 100 млрд руб., чистая прибыль – 16,7 млрд руб. В 2018 г. тенденция роста данных показателей сохранилась. Деятельность ПАО «Роствертол» весьма диверсифицирована: помимо производства разнообразных видов летательных аппаратов (в первую очередь винтокрылой техники), предприятие оказывает услуги по перевозкам, осуществляет активную деятельность по созданию и использованию баз данных и иных информационных ресурсов, оказывает разнообразные высокотехнологичные услуги.

Это позволяет находиться компании на активных позициях не только в южнороссийском макрорегионе, но и в других регионах, а также в стране и мире, активно способствовать развитию рыночно-хозяйственной структуры экономического пространства России.

Если характеризовать рынки продукции машиностроения Юга России по их отраслевому предназначению, то необходимо отметить, что они ориентированы в значительной степени на сельскохозяйственное машиностроение, что вполне оправданно. Это во многом предопределено аграрной ориентацией экономики Юга России, ибо предприятия АПК являются самыми представительными в рейтинге компаний по количеству участников и объемам производства продукции, а аграрии, по определению экспертов, «тащат экономику» (Чумичев & Козлов, 2017: 24–25).

Таблица 1

**Крупнейшие машиностроительные компании Южного федерального округа,
формирующие специализированные рынки продукции машиностроения
(2016–2017 гг.)⁴**

Место в рейтинге крупнейших компаний ЮФО, 2017г.	Название компании	Регион ЮФО	Выручка от продажи, 2017г., млрд руб.	Прирост выручки в 2017г. по сравнению с 2016г., %	Чистая прибыль 2017г., млрд руб.	Прирост прибыли в 2017г. по сравнению с 2016г., %
6	ПАО «Роствертол»	Ростовская область	99,1	17,5	16,7	10,5
15	ГК «Ростсельмаш»	Ростовская область	164,1	17,9	12,2	7,2
70	ОАО «ТКЗ «Красный котельщик»	Ростовская область	12,4	13,0	0,5	1,3
103	ООО «КЛААС»	Краснодарский край	8,6	71,6	0,3	1,2
154	ОАО «Волгограднефтемаш»	Волгоградская область	5,8	45,0	0,1	-
157	АО «КЛЕВЕР»	Ростовская область	5,7	8,8	0,8	3,9
197	ООО «ВОЛ-ГАБАС»	Волгоградская область	4,8	40,3	0,2	4,2
211	ООО «ПК «СТАНК»	Краснодарский край	4,4	1,6	0,8	-

Флагманом сельхозмашиностроения на Юге России, несомненно, является ГК «Ростсельмаш». Это – современная транснациональная компания с богатой историей, фирменным подходом к организации всех процессов: стремлением к высокому качеству, развитию и совершенствованию. Построенный в первые годы советской индустриализации (в 1929 г.) изначально как предприятие-флагман комбайностроения Советского Союза, «Ростсельмаш» и сегодня подтверждает статус лидера. На протяжении всех десятилетий коллектив демонстрирует заложенную при его рождении ментальность победителя. Несмотря на смену поколений и эпох, команда этого предприятия по-прежнему воплощает в себе такие черты, как упорное следование поставленным целям, жажда командного успеха, целеориентированное управление, высокий потенциал человеческого капитала. Именно они позволяют компании ежегодно расширять географию продаж и выходить на новые рынки, ставить на поток суперсовременные модели и целые семейства техники.

В 2016 г. с участием компаний, входящих в ГК «Ростсельмаш», реализован амбициозный проект по созданию нового полномасштабного тракторного производства России, в 2019–2020 гг. они планируют задавать новые тренды в комбайновом машиностроении. Один из них – создание беспилотного комбайна. Вместе со своими пар-

⁴ Составлено авторами по данным: Ренкинг крупнейших компаний ЮФО по объему реализации продукции в 2017 году (2018) // *Эксперт Юг*, (9), 17–21.

тнерами специалисты ГК «Ростсельмаш» воплощают перспективные технологии и инновационные решения в производство принципиально новых сельскохозяйственных машин здесь и сейчас, получая высокие оценки экспертов. Предприятие обладает всем спектром новейших технологий для полного цикла выпуска продвинутой, востребованной на рынках многих регионов и эффективно работающей техники, включая ее конструкторскую разработку.

ГК «Ростсельмаш» задает лидерскую тональность и для других предприятий сельхозмашиностроения Юга России (табл. 1), таких как ООО «КЛААС» (Краснодарский край) – дочернее предприятие немецкой фирмы CLAAS KGaAmbH, которое осуществляет производство широкой технологической линии сельскохозяйственных машин CLAAS – от тракторов, зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов до телескопических погрузчиков, пресс-подборщиков и кормоуборочных машин⁵; АО «КЛЕВЕР» (Ростовская область) – производитель полного комплекса машин для кормозаготовки, зерноперерабатывающей техники, адаптеров для комбайнов, коммунальной техники, прицепных опрыскивателей и др. Дилерская и сервисная сеть компании «КЛЕВЕР» насчитывает свыше 100 партнеров, ее выручка и прибыль растут.

Таким образом, обобщение результатов деятельности представленных выше компаний, активно участвующих в формировании рыночного пространства Юга России, дает основание для вывода о том, что их правомерно считать локальными узлами транзакционной активности, одними из важных опорных точек экономического каркаса региона, обладающими векторами центростремительного притяжения к ним экономической деятельности. При этом очевидна их встроенность во взаимосвязанные корпоративные хозяйственные структуры, кластеры и сети региона и страны в целом, что позволяет им не только поддерживать высокую планку инновационной деятельности, но и выступать в качестве центров технологического развития, позиционирования имиджа лидерства в макрорегионе.

Рынки как узловые центры притяжения производственно-хозяйственной деятельности, опорные точки ИТ-решений и элементы экономического пространства региона

Для эффективного функционирования экономического пространства региона необходим эффективно действующий механизм интеграции, базирующийся на современных технологиях. Одной из таких технологий в настоящее время (а тем более в перспективе) выступает цифровизация. Расширяющееся использование современных информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению и развитию новых результативных управленческих технологий, предпринимательских практик, успешных бизнесов.

С развитием цифровизации традиционные способы экономической деятельности трансформируются, насыщаются информационными потоками и неизбежно ускоряются, происходят как процессные, так и структурные изменения, в числе которых – расширение практики использования базовых цифровых инструментов (компьютеров, электронной почты, интернета) и реальное формирование ИТ-рынков. Преодолению «разорванности» экономического пространства способствуют реализуемые на практике технологии больших данных, машинного обучения, распределенных реестров, роботизации, беспроводной связи и др.

Как показывает анализ, реализация цифровых технологий происходит наряду с внедрением в практику новых институтов, инструментов и технологий менеджмента, маркетинга, ИТ-решений и др. При этом, подчеркивает Г. Гордон, их использование ориентировано на решение проблем местного сообщества (Gordon, 2013: 52–54).

Обобщение существующих тенденций развития экономического пространства регионов Юга России, изучение имеющихся документов и реализуемых в них решений позволило сформировать его матричную конструкцию (табл. 2).

⁵ См.: <https://www.claas.ru/predpriyatie/podrazdelyeniya/zavod>

Таблица 2

Матричная конструкция экономического пространства Южного федерального округа, формирующаяся под воздействием развития рынков⁶

Позиционирование элементов матрицы в координатах административно-территориальной и институционально-инструментальной среды	Регионы ЮФО, определившие данный элемент конструкции в качестве одного из приоритетов развития	Институты и инструменты, стимулирующие формирование матричной конструкции экономики в регионах Южного федерального округа
<p>Элементы матричной конструкции экономического каркаса региона</p> <p>1. Территориально-кластерные комплексы, стимулирующие целеориентированную рыночную активность в регионе</p> <p>2. Особые экономические зоны территориального развития с выделением специальных «центров силы»</p> <p>3. Инновационные производственные комплексы как центры притяжения инвестиций, включающие рынки инновационно-ориентированных продавцов и покупателей</p> <p>4. Инфраструктурный каркас экономики региона, транспортно-логистические системы, поддерживающие и стимулирующие функционирование рынков</p>	<p>Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области</p> <p>Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская и Астраханская области</p> <p>Республика Адыгея, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области</p> <p>Республики: Крым и Адыгея, Краснодарский край, Ростовская и Астраханская области</p>	<p>Кластерные проекты; целевые программы развития кластерных узлов; синергия кластеров; региональный маркетинг</p> <p>Территориально-экономическое зонирование с выделением ОЭЗ; новые «Центры специализированной торговли» и др.</p> <p>Инновационно-функциональная инфраструктура; пакеты инновационно-ориентированных инвестиций; патенты на интеллектуальную собственность; электронные правительства регионов</p> <p>Транспортные коридоры, интермодальные узлы; концессии; антимонопольные ограничения; логистические сети; информационно-телекоммуникационная инфраструктура</p>

⁶ Авторская разработка, выполненная с использованием следующих источников: Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года // *Официальный интернет-портал правовой информации*, 04.01.2015, № 0001201501040032 (<http://docs.cntd.ru/document/902301126>); Распоряжение Правительства Ростовской области «О долгосрочном прогнозе социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года» от 16.01.2014 № 5. Действующая редакция с изменениями от 29.11.2018 (<http://www.donland.ru/?pageid=125715>) и др.

Окончание табл. 2

<p>Позиционирование элементов матрицы в координатах административно-территориальной и институционально-инструментальной среды</p> <p>Элементы матричной конструкции экономического каркаса региона</p>	<p>Регионы ЮФО, определившие данный элемент конструкции в качестве одного из приоритетов развития</p>	<p>Институты и инструменты, стимулирующие формирование матричной конструкции экономики в регионах Южного федерального округа</p>
<p>5. Научно-образовательные, исследовательские и внедренческие центры, экосистемы «Умная экономика», рынки интеллектуальных продуктов</p>	<p>Республики: Крым, Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области, город Севастополь</p>	<p>Интенсивное наращивание интеллектуального капитала сферы науки и образования; система непрерывного образования, гранты (как форма финансирования НИР); рыночные центры экосистемы «Умная экономика»</p>
<p>6. Информационные внутри- и межрегиональные сети, поддерживающие ускоренное развитие и высокую плотность рыночно-экономического пространства, формирование «Умного региона»</p>	<p>Республики: Крым, Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области</p>	<p>Информационно-аналитические системы; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); информационные магистрали; агентные платформы; сетевые системы; структуры интернет-маркетинга</p>
<p>7. Туристско-рекреационные комплексы как центры здоровья, рекреации эффективного природопользования, рынки рекреационно-оздоровительных услуг</p>	<p>Республики: Крым, Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области</p>	<p>Ядра «инфраструктуры комфорта» в туристско-рекреационных комплексах; экологическое нормирование; санкции при нарушении установленных нормативов воздействия на природную среду и загрязнения; возобновляемые источники энергии; наилучшие доступные технологии, объекты рекреационного сервиса</p>
<p>8. Центры поддержки этноэкономики, обеспечивающие вовлечение ее ресурсов и продвижение производимой продукции на региональные рынки</p>	<p>Республики: Крым, Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край, Ростовская и Астраханская области</p>	<p>Государственно-частное партнерство; взаимодействие крупного и малого бизнеса, развитие его в сферах этноэкономики</p>

В табл. 2 представлены восемь элементов матричной конструкции экономического пространства регионов, которые, по мнению авторов, являются наиболее значимыми и перспективными для южнороссийского макрорегиона (территориально-кластерные комплексы, особые экономические зоны, инновационные производственные и туристско-рекреационные комплексы, транспортно-логистические системы и др.). Особый интерес представляют информационные внутри- и межрегиональные сети, поддерживающие формирование «Умного региона».

Из перспективных элементов матричной конструкции экономического пространства регионов, формирующейся под влиянием рынков, активизирующих общую экономическую деятельность, целесообразно выделить именно информационные сети, обеспечивающие ускоренное развитие и повышение плотности рыночно-экономического пространства региона. Среди акцентов данного направления особое место занимает формирование «Умных регионов»⁷.

Для Юга России приемлем вариант формирования «Умного макрорегиона», что предполагает разработку и реализацию концепции инновационного развития совокупности входящих в его состав регионов посредством внедрения в различные сферы жизни информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), способных ускорить экономическое развитие территорий, стимулировать эффективное функционирование рынков, повысить однородность экономического пространства.

Эта концепция ориентирована на развитие цифровой экономики, производство и использование инноваций в контексте региональной специализации, предполагающее создание необходимой для этого инфраструктуры, формирование компетенций кадров, востребованных в информационном обществе. При этом необходимым представляется использование потенциала больших баз данных, облачных вычислений, обеспечение повсеместного и удобного доступа к интернету, общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов, устройствам хранения открытых данных, приложениям к сервисам, промышленному интернету и т.д. (Ермак и др., 2018: 20–21).

Включение территорий Юга в разработку и реализацию концептуальной модели «Умный макрорегион» имеет в качестве реальной перспективы дальнейшее расширение использования ИКТ в коммерческих структурах, государственных и муниципальных учреждениях, цифровизацию практически всех отраслей и кластеров экономики, а также различных сфер общественной жизни. Весьма важным представляется создание условий, способствующих переходу населения и организаций Юга России к более широкому использованию интеллектуальных цифровых технологий, стимулирование ИКТ-бизнеса, расширение рынка цифровых технологий, поддержка и продвижение продуктов цифровой экономики (для чего совершенно необходима активизация востребованности их конкретными отраслями и предприятиями), наращивание числа новых рабочих мест, связанных с созданием и использованием ИКТ.

В качестве «пилотного полигона» для реализации такой концепции может выступить город Ростов-на-Дону, стратегия развития которого до 2035 г. будет синхронизирована с долгосрочной областной стратегией. В ее рамках планируется осуществление концепции «Умный город», расширение креативных пространств, развитие, в том числе за счет них, ростовской агломерации⁸. Если оценивать реализацию этой стратегии с точки зрения перспектив, то, несомненно, именно такой подход способен обеспечить создание экономического пространства региона нового качества и его оптимальную структуризацию.

Заключение

Позиции авторов относительно влияния на структурирование экономического пространства регионов процесса развития рынков в обобщенном виде заключаются в следующем.

⁷ См.: <http://fb.ru/article/399297/kontsepsiya-umnyiy-gorod-osnovnyie-polojeniya-opisanie-ustroystvo-primeryi>

⁸ См.: <http://expertsouth.ru/novosti/strategija-razvitija-rostova-2035-budet-.html>

1. Изучение проблемы формирования и развития структуры рыночно-экономического пространства региона выявило реальное воздействие на этот процесс, наряду с другими факторами, развития региональных рынков. Структуризация экономического пространства, рассматриваемая в контексте выполнения ею системообразующей функции, обеспечивает организацию экономической среды в виде интегрированной системы процессов и взаимодействий, активизирует воспроизводственные циклы экономического развития регионов, приводит их к желательным параметрам, синхронизирует в определенной последовательности событий действия функционирующих в них рыночных субъектов. Систематизация существующих точек зрения относительно данного вопроса позволила выделить четыре подхода к его трактовке: территориальный, ресурсный, информационный, процессный.

2. Как показал анализ, рыночно-хозяйственная структура региона предопределяется функционированием и дислокацией региональных рынков, представляющих собой локально-территориальные центры товарного обращения, где согласовываются интересы предъявителей спроса и предложения, реализуются торговые отношения и связи, опосредующие контакты продавцов, покупателей и разного рода посредников. Так, в южнороссийском макрорегионе существенную роль играет рынок машиностроительной продукции, технико-технологическую основу которого составляют крупные, широко известные и конкурентные не только в России, но и в мире машиностроительные предприятия. Оценка деятельности машиностроительных компаний Юга России подтверждает наличие «точек» активности и инноваций, обеспечивающих улучшение динамических и структурных характеристик экономики входящих в макрорегион территорий. Вместе с тем, очевидно, потребуется еще много времени для задействования фундаментальных факторов структуризации рыночно-экономического пространства Юга России.

3. Реально представляемыми в качестве «опорных точек» развития экономического пространства южнороссийского макрорегиона выступают ИТ-элементы его матричной конструкции. Они формируются под влиянием, с одной стороны, уже функционирующих рынков инноваций, а с другой – новых прорывных информационных технологий, мотивирующих рыночные субъекты, в том числе стартапы, к активизации деятельности в информационных сетях, участию в программах развития, внедрению блокчейн-технологий и т.д. Именно такой подход представляется перспективным, он означает расширение возможностей реализации прорывных ИТ-проектов в области «умной энергетики», телемедицины, онлайн-платежей, искусственного интеллекта и т.д., что способно принципиально и последовательно изменять рыночно-экономическое пространство регионов Юга России.

ЛИТЕРАТУРА

Азрилиян, А. Н. (ред.) (2008). *Большой экономический словарь*. М.: Институт новой экономики, 1248 с.

Астапенко, М. С. (2018). Теории и концепции пространственной экономики: существенные аспекты и эволюция подходов // *Вестник Евразийской науки*, 10(1), 1–15. (<https://esj.today/PDF/50ECVN118.pdf> – Дата обращения: 26.11.2018).

Белоусов, В. М. (2017). *Управление региональными социально-экономическими системами: структуры и проблемы*. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 164 с.

Бияков, О. А. (2004). *Экономическое пространство региона: процессный подход*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 244 с.

Гатаулин, Р. Ф. (общ. ред.) (2016). *Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование: Монография*. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 216 с.

Гранберг, А. Г. (2004). *Основы региональной экономики: Учебник для вузов*. М.: ИД ГУ – ВШЭ, 495 с.

- Ермак, С., Лопатина, Т., & Толмачев, Д. (2018). Апгрейд // *Эксперт Урал*, (27), 20–22.
- Ивантер, В. В. (ред.) (2017). *Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: Монография*. М.: Научный консультант, 196 с.
- Катькало, В. С. (2002). Ресурсная концепция стратегического управления: генезис основных идей и понятий // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 8, (4), 20–42.
- Леш, А. (1959). *Географическое размещение хозяйства*. М.: Изд-во иностранной литературы, 650 с.
- Мамедов, О. Ю. (2018). «Элементарная частица» экономики // *Terra Economicus*, 16(3), 6–15.
- Маршалл, А. (1993). *Принципы экономической науки*, Т. 1–11. М.: Прогресс, 415 с.
- Овчинников, В. Н., & Кетова, Н. П. (2018). Природохозяйственные императивы структурной организации экономического пространства региона // *Экономика и предпринимательство*, (9), 356–361.
- Овчинников, В. Н., Кетова, Н. П., Колесников, Ю. С., & Пелихов, Н. В. (2015). *Инновационные ресурсы региона: оценка, механизмы капитализации, перспективы роста: Монография*. Ростов н/Д.: Медиа-Полис, 224 с.
- Песоцкий, А. А. (2015). Теоретические подходы к определению понятия «Экономическое пространство» // *Вопросы экономики и права*, (4), 41–44.
- Портер, М. (2000). *Конкуренция*. М.: Вильямс, 608 с.
- Почукаева, О. В. (2012). *Инновационно-технологическое развитие машиностроения: Монография*. М.: МАКС Пресс, 472 с.
- Татаркин, А. И. (2012). Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, (3), 28–36.
- Чекмарев, В. В. (2010). *Экономическое пространство: странствия по двум мирам*. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 358 с.
- Чумичев, А., & Козлов, В. (2017). Южная «газель» – исчезающий вид? // *Эксперт Юг*, (4), 24–29.
- Щедровицкий, П. Г. (2018). Государственная политика регионального развития в РФ: проблемы и перспективы // *Русский архипелаг*. (<http://www.archipelag.ru/agenda/rovestka/evolution/formula/prospect/> – Дата обращения: 19.10.2018).
- Amin, A. (1999). An Institutional Perspective on Regional Economic Development // *International Journal of Urban and Regional Research*, 23(2), 365–378.
- Chung, S., & Kim, G. M. (2003). Performance effects of partnership between manufacturer and suppliers for new product development: the supplier's standpoint // *Research Policy*, 32, 587–603.
- Gordon, G. L. (2013). *Strategic planning for local government*. ICMA Publishing.
- Kavaratzis, M. (2004). From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for development city brands // *Place Branding*, 1(1), 58–73.
- Kotler, Ph., Kartajaya, H., & Setiawan, I. (2010). *Marketing 3.0: From Products to Customers to the Human Spirit*. New Jersey: John Wiley&Sons, 208 p.
- Kuklinski, A. (1982). *Space economy and regional studies in Poland*. Nagoya, Japan: United Nations Centre for Regional Development, 145 p.
- Lösch, A. (1954). *The economics of location*. New Haven, Yale univ. Press. (<https://search.rsl.ru/ru/record/01006332713> – Access Date: 15.11.2018).
- Manning, St. (2013). New Silicon Valleys or a new species? Commoditization of knowledge work and the rise of knowledge services clusters // *Research Policy*, 42, 379–390.
- McDonald, F., Tsagdis, D., & Huang, D. (2006). The development of industrial clusters and public policy // *Entrepreneurship and Regional Development*, 18, 525–542.
- Mohuidir, K. G. B. G., Gordon, R., Magee, C., & Lee, J. K. (2016). A conceptual framework of cool for social marketing // *Journal of Social Marketing*, 6(2), 121–143.

- Porter, M. E. (2003). The economic performance of regions // *Regional Studies*, 37, 549–578.
- Reimer, M., Getimis, P., & Blotevogel, H. H. (2014). *Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes*. Taylor and Francis.
- Scherer, F. M., & Ross, D. (1990). *Industrial Market Structure and Economic Performance*. Boston: Houghton Mifflin, 286 p.
- Shibusawa, H. (2000). Cyberspace and physical space in an urban economy // *Papers in Regional Science*, 79, 253–270.
- Stimson, R., Stough, R. & Roberts, B. (2006). *Regional Economic Development. Analysis and Planning Strategy*. New York: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 452 p.

REFERENCES

- Amin, A. (1999). An Institutionalist Perspective on Regional Economic Development. *International Journal of Urban and Regional Research*, 23(2), 365–378.
- Astapenko, M. S. (2018). Theories and concepts of spatial economics: essential aspects and the evolution of approaches. *Bulletin of Eurasian Science*, 10(1), 1–15 (<https://esj.today/PDF/50ECVN118.pdf> – Access date: 26.11.2018). (In Russian.)
- Azriliyan, A. N. (Ed.) (2008). *Large economic dictionary*. Moscow: Institute of New Economics Publ., 1248 p. (In Russian.)
- Belousov, V. M. (2017). *Management of regional socio-economic systems: structures and problems*. Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education Publ., 164 p. (In Russian.)
- Biyakov, O. A. (2004). *Economic space of the region: process approach*. Kemerovo: Kuzbassvuzuzdat, 244 p. (In Russian.)
- Chekmarev, V. V. (2010). *Economic space: travels in two worlds*. Kostroma: Publishing House of N. A. Nekrasov Kostroma State University, 358 p. (In Russian.)
- Chumichev, A., & Kozlov, V. (2017). South «gazelle» – endangered species? *Expert South*, (4), 24–29. (In Russian.)
- Chung, S., & Kim, G. M. (2003). Performance effects of partnership between manufacturer and suppliers for new product development: the supplier's standpoint. *Research Policy*, 32, 587–603.
- Ermak, S., Lopatina, T., & Tolmachyov, D. (2018). Upgrade // *Expert Ural*, (27), 20–22. (In Russian.)
- Gataulin, R. F. (Ed.) (2016). *Structuring economic space of a region: essence, factors, design*. Ufa: Publ. of the Institute for Social and Economic Research. Ufa Scientific Center. Russian Academy of Sciences (RAS), 216 p. (In Russian.)
- Gordon, G. L. (2013). *Strategic planning for local government*. ICMA Publishing.
- Granberg, A. G. (2004). *Fundamentals of regional economics*. Moscow: HSE Publishing House, 495 p. (In Russian.)
- Ivanter, V. V. (Ed.) (2017). *Structural and investment policy in order to ensure economic growth in Russia*. Moscow: Nauchnyi consultant Publ., 196 p. (In Russian.)
- Katkalo, V. S. (2002). Resource concept of strategic management: the genesis of the main ideas and concepts. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 8*, (4), 20–42. (In Russian.)
- Kavaratzis, M. (2004). From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands. *Place Branding*, 1(1), 58–73.
- Kotler, Ph., Kartajaya, H., Setiawan, I. (2010). *Marketing 3.0: From Products to Customers to the Human Spirit*. New Jersey: John Wiley&Sons, 208 p.
- Kuklinski, A. (1982). *Space economy and regional studies in Poland*. Nagoya, Japan: United Nations Centre for Regional Development, 145 p.
- Lösch, A. (1954). *The economics of location*. New Haven, Yale univ. Press. (<https://search.rsl.ru/ru/record/01006332713> – Access Date: 15.11.2018).

- Lösch, A. (1959). *Geographic location of the economy*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 650 p. (In Russian.)
- Mamedov, O. Yu. (2018). An «elementary particle» of the economy. *Terra Economicus*, 16 (3), 6–15. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3-6-15. (In Russian.)
- Manning, St. (2013). New Silicon Valleys or a new species? Commoditization of knowledge work and the rise of knowledge services clusters. *Research Policy*, 42, 379–390.
- Marshall, A. (1993). *Principles of economics*, Vols. 1–11. Moscow: Progress Publ., 415 p. (In Russian.)
- McDonald, F., Tsagdis, D., & Huang, D. (2006). The development of industrial clusters and public policy. *Entrepreneurship and Regional Development*, 18, 525–542.
- Mohuidir, K. G. B. G., Gordon, R., Magee, C., & Lee, J. K. (2016). A conceptual framework of cool for social marketing. *Journal of Social Marketing*, 6(2), 121–143.
- Ovchinnikov, V. N., & Ketova, N. P. (2018). Environmental imperatives of the structural organization of the economic space of the region. *Economy and Entrepreneurship*, (9), 356–361. (In Russian.)
- Ovchinnikov, V. N., Ketova, N. P., Kolesnikov, Yu. S., & Pelikhov, N. V. (2015). *Innovative resources of the region: assessment, capitalization mechanisms, growth prospects*. Rostov-on-Don: Media-Polis Publ., 224 p. (In Russian.)
- Pesotsky, A. A. (2015). Theoretical approaches to the definition of «Economic space». *Issues of Economics and Law*, (4), 41–44. (In Russian.)
- Pochukaeva, O. V. (2012). *Innovative technological development of engineering*. Moscow: MAX Press, 472 p. (In Russian.)
- Porter, M. (2000). *Competition*. Moscow: Williams Publ. House, 608 p. (In Russian.)
- Porter, M. E. (2003). The economic performance of regions. *Regional Studies*, 37, 549–578.
- Reimer, M., Getimis, P., & Blotevogel, H. H. (2014). *Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes*. Taylor and Francis.
- Schedrovitsky, P. G. (2018). State policy of regional development in the Russian Federation: problems and prospects. *Russian archipelago* (<http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/prospect/> – Access date: 19.10.2018). (In Russian.)
- Scherer, F. M., & Ross, D. (1990). *Industrial Market Structure and Economic Performance*. Boston: Houghton Mifflin, 286 p.
- Shibusawa, H. (2000). Cyberspace and physical space in an urban economy. *Papers in Regional Science*, 79, 253–270.
- Stimson, R., Stough, R., & Roberts, B. (2006). *Regional Economic Development. Analysis and Planning Strategy*. New York: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 452 p.
- Tatarkin, A. I. (2012). Development of the economic space of Russian regions based on cluster principles. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, (3), 28–36. (In Russian.)